

АЛЕКСАНДР ПОТАПОВ

ПРОКЛЯТИЕ КУЛЕМЫ

~~КУЛЕМА~~

Александр Потапов
Проклятие Кулемы

«У Никитских ворот»

2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Потапов А. В.

Проклятие Кулемы / А. В. Потапов — «У Никитских ворот»,
2018

ISBN 978-5-00095-610-6

Московский писатель Александр Потапов в своем новом романе обращается к теме сегодняшней деревни, непростым событиям, которые там происходят. Действующие лица романа – деревенские и городские жители, озабоченные поисками «хлеба насущного», не всегда в ладу с действующей властью, вынужденные приспособливаться к новым условиям, кто как может.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00095-610-6

© Потапов А. В., 2018
© У Никитских ворот, 2018

Содержание

Дорога (Вступление)	6
На краю гибели	9
Дорога (Канал Москва – Волга)	17
Православный мусульманин	22
Дорога (Яхрома)	27
Поместье Арбениных	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Потапов

Проклятие Кулемы

© Потапов А. В., 2018

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2018

Дорога (Вступление)

Замечательное изобретение человечества – дороги. Людям присуще свойство стремиться в неизведанные просторы, и чтобы облегчить эту задачу, и были придуманы дороги. Хотя ещё в незапамятные времена, сотни тысяч лет назад, первые появившиеся на африканских равнинах наши предки, протоптав в разных направлениях тропинки по этой благодатной земле, где не нужна была одежда, а бананы, ананасы, ягоды и ещё тысячи разнообразных плодов предлагали себя проходим на завтрак, обед и ужин, плюнули на своё сытое и безбедное существование и потянулись на север, в непроходимые лесные чащи, чтобы морщиться от малоприятного вкуса диких яблок и груш, лихорадочно бегать за пушным зверьём и изобретать тёплую одежду для защиты от лютых холодов. И ведь не повернули назад, а продолжали двигаться ещё дальше на север, в Сибирь, а затем через Аляску и на американский материк. И всё пешком. Когда ещё появятся в их распоряжении кони, дилижансы и русские тройки с их необъяснимой жаждой скорости!

Помните знаменитое гоголевское:

«Эх, тройка! Птица тройка, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать вёрсты, пока не зарядит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьём с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит чёрт знает на чём; а привстал, да замахнулся, да затянул песню – кони вихрем, спицы в колёсах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге оставившийся пешеход – и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух».

Знаменитая тройка! А ведь скорость-то всего не более пятидесяти километров в час, но у пассажиров дух захватывало. А сейчас поезд мчит нас со вдвое большей скоростью, мы же прикорнём у окошка и дремлем всю дорогу.

Другое дело – автомобиль. Из-за близости к земле здесь то же ощущение, что и у седока тройки, а скорость часто почти в три раза выше. И мотается народ по всей земле, удовлетворяя свою жажду скорости и страсть к познанию неизведанного.

* * *

Мягкая зелёная дымка распускающихся берёз сопровождает нас во время нашей первой весенней поездки в деревню почти за двести километров от Москвы. На сиденье рядом – неизменный мой спутник и штурман – жена Вера Александровна, издающая время от времени короткие восторги по поводу возникающих по обочинам дороги колоритных картин просыпающейся природы:

– Посмотри, как изогнулись над дорогой эти берёзки! Прямо зелёный тоннель с нежным-нежным окрасом.

Я тоже не отстаю от её открытий:

– А ты погляди, на берёзках листочки такие миниатюрные, их ещё почти не видно, но все вместе образуют маленькое зеленоватое облачко, которое потихоньку колышется под порывами ветра.

Мы едем в тверскую деревеньку, расположившуюся в двадцати километрах севернее границы Московской области на берегу речки Хотчи, через два – три километра впадающей в Волгу. Полтора десятка домов, во всех, за исключением трёх-четырёх, приезжие из Москвы,

хотя некоторые живут здесь уже практически круглый год. Наведываясь в Москву, где остались жить дети и внуки, возвращаясь, удивляются:

– Не могу в Москве, так и тянет в Кулему. А ведь ещё недавно не было даже в мыслях намерения уехать из Москвы на постоянное проживание в деревню.

Кулема действительно привлекательное место. Вокруг раскинулись неоглядные леса с одиночными вкраплениями небольших деревенок. Дома в Кулеме стоят почти у самого берега, река здесь шириной более ста метров, а на моторной лодке через десять минут можно оказаться на необъятных просторах Волги с её многочисленными островами и роскошными условиями для отдыха на любой вкус. Летом в окрестных лесах почти рядом с домом полно грибов и ягод. Любителям рыбалки Хотча и Волга и летом, и зимой могут доставить поистине царское наслаждение.

Особое впечатление производит весеннее буйное цветение фруктовых деревьев, когда сначала сливы, затем вишни, яблони, груши заливают всё вокруг белоснежным ярким неповторимым торжеством пробуждающейся жизни, жаждущей любви и удовольствия от самого своего существования.

Цветущие яблони в Кулеме

На одном из многочисленных застолий в деревне я как – то прочитал свои стихи, посвящённые Кулеме:

*Неведомое царство
Возникло наяву,
Окутало коварством
Тот дом, где я живу.
Забытая деревня,
Домов десятка два,
Из-за домов деревья
Виднеются едва.
Кулема, как шаманка,
Колдует и зовёт,
И песни, как шарманка,*

*Чарующе поёт.
Я возвращаюсь в город,
Меня съедает грусть,
И я в деревню споро,
Как бешеный, несусь.
Встать в пору несусветную,
Машины завести
И сотни километров
Преодолеть пути,
Чтоб только ночку летнюю
С деревней провести.*

Восторгам публики не было предела.

Мы пока ещё обходимся наездами на выходные, и то только летом, хотя крутятся-крутятся мысли оставить всё и переселиться в деревню. Вера готова к переезду хоть сегодня, и только я сдерживаю её решимость – всё ещё не готов расстаться с работой, которая до сих пор мне интересна, ну, и, что греха таить, даёт существенную прибавку к нашим с Верой смешным пенсиям.

Кстати, самое время представиться: зовут меня Павел Петрович. Мы с Верой женаты уже бог знает сколько лет. То ли благодаря этому, то ли вопреки, но Вера выглядит всё ещё весьма привлекательно. Она никогда не была худышкой, но имеющийся жирок очень аккуратно распределён по всей фигуре, так что мужики, увидев её, не торопятся отвести взгляд. Когда-то эти взгляды вызывали у меня жгучее чувство ревности, особенно, когда Вера в ответ мило им улыбалась. Теперь страсти поутихли, но до сих пор мне невероятно приятно видеть её фигуру, чувствовать ласковые прикосновения её рук и вообще любоваться ею, даже когда она бывает почему-либо недовольна мной.

У нас два сына: старший, Дмитрий, и младший, Роман, они давно женаты и живут отдельно от нас, воспитывая молодое поколение – наших внуков.

Первый раз мы с Верой приехали в Кулему в начале девяностых годов. Это было тяжёлое время для всех, кроме сплочённого слоя пришедших к власти нуворишей и преступников. В один момент мы не только лишились страны, но большинство превратилось почти в нищих: мизерную зарплату – и ту не платили, все вклады в Сбербанке в одночасье сгорели, цены бешеными темпами росли почти каждый день.

Приведу небольшой рассказ о том, как мы крутились в кутерьме тех событий.

На краю гибели

В истории нашего Отечества было немало случаев, когда страна оказывалась на краю гибели.

Вспомним Киевскую Русь при Владимире Мономахе или Ярославе Мудром, достигшую зенита своего могущества. И вот Великий князь умирает, и страна сразу же распадается на десяток удельных княжеств во главе с родными братьями, которые тут же начинают друг с другом смертоубийственную войну за право быть главным правителем. Убийства мирных жителей, реки крови, разграбленные города и деревни.

А Смутное время! Поляки в Московском Кремле, их отряды жгут дома и грабят население по всей стране. Уже растоптанная верховная власть Руси не способна восстановиться. Но возрождается вопреки, казалось бы, непреодолимым обстоятельствам.

Наполеон и Гитлер были в вершке от победы. Чудом прекратившаяся в 1920 году гражданская война, принёсшая победу большевикам, могла вообще не оставить в живых никого на наших бескрайних просторах.

Но выживала Русь! Вопреки всякому здравому смыслу выживала!

Да, всё это происходило давно, без нашего непосредственного участия. Теперь это только наша историческая память.

Но есть и на нашей совести грех коллективного самоубийства: восьмидесятые – девяностые годы двадцатого века. Могучее государство внезапно безо всяких видимых внешних и внутренних причин в одночасье рухнуло. Если честно, то и сейчас ещё результат исторического приговора неясен – пока что слишком однобокое развитие нашей страны не даёт уверенности в её окончательном выздоровлении.

Развал Советского Союза Горбачёв начал вскоре после прихода к власти, разрешив бесконтрольную внешнеэкономическую деятельность практически всем предприятиям, что почти мгновенно привело к опустошению прилавков магазинов – и продуктовых, и промтоварных: наши внутренние цены были существенно меньше зарубежных. Этому способствовала и появившаяся вскоре возможность предпринимателям превращать безналичные деньги, выкачанные из госпредприятий, в наличные.

В результате первый президент СССР не только свою собственную власть не смог удержать, но умудрился и страну потерять.

Пошёл парад суверенитетов. Партийная и советская номенклатура союзных республик, включая Россию, из кожи вон лезла, чтобы сосредоточить в своих руках всю полноту власти, теперь уже в каждой из независимых стран. С приходом к власти в России Ельцина огромные невообразимой ценности государственные богатства стремглав за бесценок переходили в частные руки. Инфляция в один миг съела все накопления простых трудяг. Банки остановили перевод средств на счета предприятий, поставив те на грань банкротства. Сплошняком пошли бартерные расчёты.

Потеря бюджетных ассигнований почти всех оставила без работы. Я бегал в дирекцию, организуя оплату обучения желающим приобрести востребованные профессии – бухгалтера или экономиста. Освоив новые профессии, сотрудники довольно быстро находили предприятия, где они были нужны, благо стало много инициативных людей, рискующих создавать свои малые фирмы, – в начальный период в основном посреднические.

Одним из тех, кто чувствовал себя виноватым из-за неумения найти работу для своих сотрудников, был начальник лаборатории Саша Круглов. По-видимому, то, что произошло с ним, на сотнях предприятий переживали тысячи ни в чём не повинных совестливых и ответственных людей, в одночасье поставленных государством на грань выживания и угрозы голодной смерти своей семьи – тех, за кого они привыкли отвечать.

Старшее население вроде нас с Верой было из поколения военных лет, привыкших к трудностям. Как правило, у всех был огород, который помогал избежать голода. Выращенные картошку, огурцы, помидоры, лук хранили в гараже, подкармливая детей, крутившихся, как и все, в условиях сплошного безденежья.

Возникавшие у нас время от времени надежды на новую продукцию не оправдывались, и мне приходилось только руками разводиться, переживая и за себя, и за Сашу:

– Ну что здесь поделаешь, наша продукция теперь никому не нужна. Армию громят, денег ей даже на прокорм не дают, кругом царствуют одни банки. Промышленность в полном развале.

Как-то я спросил Круглова:

– Саша, а как другие ваши однокурсники выживают? Неужели все предприятия в таком же плачевном состоянии, как и мы?

– Да ещё хуже, Павел Петрович, у нас хоть что-то есть, а у других вообще ничего, – Саша покачал рано начавшей лысеть головой. – Как правило, распродают всё что можно.

– И всё что нельзя, – добавил я, прекрасно зная, что на нашем предприятии тоже иногда даже станки пропадали, не говоря уже о настольных компьютерах, но виноватых так и не находили. Впрочем, это ни для кого не было тайной.

Круглов вопросительно посмотрел на меня:

– Павел Петрович, не знаете, будет зарплата и когда? Уже два месяца нам ни копейки не платят. Не знаю, как и жить.

Я только вздохнул:

– Я думаю, на это и директор не ответит. Вы же знаете, если зарплату не платят, то не платят никому – ни начальникам, ни дирекции. А живём мы случайными заработками.

Саша удручённо добавил:

– А когда заплатят, то инфляция успевает обесценить эти денежные знаки.

Я перевёл разговор:

– А как себя чувствует Наташа?

Саша и Наташа пришли к нам в самом начале работы с новой аппаратурой и вскоре поженились. Теперь у них двое детей, младший появился совсем недавно. Оба были прекрасными специалистами, и я их высоко ценил. Но вскоре после окончания этих работ и начала нашей борьбы за существование Наташа перешла работать в школу.

Круглов пожал плечами:

– Кормит малыша. Хорошо хоть, молоко у неё есть, – После небольшого молчания он хмуро продолжил: – А я буду уходить, Павел Петрович.

Я не мог не спросить:

– И куда же вы собираетесь?

– У меня два приятеля челноками заделались, – Саша невесело улыбнулся. – Ездят в Турцию, привозят два-три мешка баракла, но сами не продают, а сдают на рынок перекупщикам. Говорят, на еду зарабатывают. Вот и меня зовут.

Я покачал головой:

– Саша, ничего не могу сказать. Конечно, я хотел бы, чтобы вы остались работать у нас, но обещать, что хотя бы платить станут нормально, не могу.

Через две недели Саша Круглов уволился. Он действительно стал зарабатывать на еду, и уже не грызла каждый день одна и та же мысль: «Чем кормить детей?»

Все остальные вокруг были такие же, каждый выживал как мог. Года два Саша таскал почти неподъёмные мешки и, похоже, переоценил свои физические силы. Однажды он не проснулся – остановилось сердце. Дома в это время никого не было, оказать помощь было некому.

Я узнал об этом, когда Сашу уже похоронили, а Наташа сразу же уехала с детьми к родителям.

Как-то мне позвонил генеральный директор предприятия:

– Слушай, зайди ко мне, тут твой давний знакомый хочет тебя увидеть.

Захожу и вижу – сидит директор объединения «Вента», расположенного в Вильнюсе. Здравуемся, и я ему говорю:

– Рад вас видеть! Вы нас здорово выручили тогда своими поставками. В результате мы получили прибор с параметрами не хуже зарубежных.

В здании объединения «Вента» теперь базар

Гость, довольный, в ответ улыбается:

– Вот хочу этим воспользоваться, пока не поздно. Я подготовил докторскую диссертацию, прошу ваше предприятие быть головной организацией.

Подключился директор:

– Раз сам благодаришь за помощь, отработывай долг. Надо написать отзыв.

Я пожал плечами:

– Конечно, напишу, – и сразу задал интересовавший меня вопрос: – А как вы тамживаете, предприятие работает?

Гость посмурнел:

– Знаете, ничего хорошего не могу сказать. Я думаю, что через пару лет его уже не будет. Так что мне с защитой надо торопиться. Диссертацию и сопроводительное письмо я привез с собой.

Директор подтвердил:

– Я их тебе направлю, а аспирантура организует заседание Совета.

С тем мы и разошлись, а через пару лет я узнал, что «Венты» не стало.

Почти тогда же мне позвонил заместитель генерального, мой близкий приятель Сергей:

– Ты на несколько дней уезжал, а у нас в это время был Слава Дыбой, передавал тебе привет.

– Спасибо, что помнит. Мы с ними тогда здорово поработали. А как они там живут?

Сергея вздохнул:

– Знаешь, наверное, даже хуже, чем мы. У нас хоть немного контрактов есть, а у них заказов практически никаких. Спрашивал, не можем ли мы чем-то помочь. Сотрудники прямо стремглав разбегаются.

Я только горестно вздохнул. Чем помочь – на горизонте и близко по этой тематике ничего не просматривается.

Через несколько лет как-то я зашёл к Сергею, положил ему на стол скачанную из Интернета фактически похоронную статью о заводе «Процессор» и добавил:

– Потом считаешь, а если коротко, то завода уже нет. Его акционировали, генеральным директором стал наш с тобой приятель Вячеслав Анатольевич Дыбой, но и ему не удалось вытащить предприятие из пропасти, куда оно в начале двухтысячных годов и загремело. Сейчас часть его помещений в аренде, а остальные разваливаются. Остатки продукции просто валяются под ногами.

Лидер советской электроники завод «Процессор»

В середине девяностых годов госбюджетное финансирование нашего предприятия полностью прекратилось. Было довольно много мелких работ, но они погоды не делали, задолженность по зарплате неумолимо увеличивалась. Предприятию грозило реальное банкротство. Численность сотрудников снизилась в пять раз. Спас нас совершенно неожиданно появившийся зарубежный контракт на изделие, разработанное нами в начале восьмидесятых годов и переданное для серийного производства на Украину. В связи с распадом Советского Союза серийное производство для нужд нашей страны не образовалось, а теперь нам предложили выпускать на экспорт разработанные нами изделия самим. С громадным трудом мы серийное производство освоили, и это стало началом нашего возрождения.

Через некоторое время я узнал, что ещё один наш партнёр тоже по советским временам, рижское научно-производственное предприятие «Альфа», фактически прекратило свою работу. От многотысячного коллектива осталось несколько десятков человек. Зато в этих кор-

пусах теперь располагается лучший торговый центр Риги, в котором можно купить почти всё необходимое.

НПО «Альфа» теперь торговый центр

А я вспомнил недавний разговор в Литве с водителем, который вёз нас с Верой из Вильнюса в Палангу. Гедиминас – владелец небольшой частной фирмы, занимающейся перевозками, и мы уже не первый раз пользуемся его услугами. Обычно ему почти непрерывно звонит телефон, а в перерыве между звонками он сосредоточенно что-то обдумывает и весьма односложно отвечает на наши вопросы.

Но сегодня он необычно словоохотлив и говорит почти непрерывно после первого же нашего вопроса, время от времени отвлекаясь на телефонные разговоры. А закончив говорить по телефону, тут же возвращается к нашей прерванной беседе. Это всё же именно беседа, хотя наше участие в ней и минимально. Но эмоции Гедиминаса и тема нашего разговора не оставляют нас равнодушными. Нас – это меня и Веру Александровну, мою жену, с которой мы выбрались на недельку отдохнуть в Паланге, где в любую погоду и в любое время года чувствуем себя комфортно.

Началось всё с моего тривиального вопроса:

– Гедиминас, что новенького у вас произошло за это время? Всё ли благополучно?

Этот простой вопрос вызвал у Гедиминаса целую бурю внешне сдержанных эмоций, но по его размеренной речи видно было, что он с трудом удерживается от более резких и активных выражений.

– Знаете, у меня есть друг, который занимается небольшим бизнесом, продаёт автомашины. Недавно на него наехала налоговая, выписала ему столько штрафов, что он оставил все свои непроданные машины, арендованное помещение и уехал в Лондон. Сейчас он там уже устроился, организовал свой бизнес и не собирается сюда возвращаться. И таких очень много. Малый бизнес буквально выдавливают из Литвы. Мне только что прислали административный

штраф, якобы я что-то не заплатил. Я говорю, посмотрите по бухгалтерской отчётности, там есть все проводки, и этот счёт тоже оплачен. А они твердят: мы вас не будем штрафовать, но вы наше предписание подпишите. Я возражаю: не буду подписывать, у меня нет нарушений. А если я подпишу, то следующий административный штраф я должен буду оплатить в десятикратном размере.

Я поддержал:

– Ну это же известная вещь. Любой налоговый служащий при проверке обязан выявить нарушение, иначе считается, что он плохо работает.

Гедиминас подтвердил:

– Да, это так. А всё идёт от крупных фирм-монополистов. Они покупают чиновников и вместе выдавливают с рынка конкурентов. Скоро в Литве останется пять-шесть крупных фирм-монополистов, а все остальные исчезнут.

Он отвлёкся на несколько минут на телефонный разговор, а затем продолжил:

– Мне всё время предлагают оставить мой бизнес и перейти на работу в фирму, и я уже серьёзно думаю над этим.

Он немного помолчал.

– Или уеду в Лондон. Меня давно туда зовут. Почти все мои друзья уже обосновались в Лондоне. В начале девяностых почти все ехали в Соединённые Штаты, а сейчас, как правило, в Англию. Мой сын там учится в колледже и всё время зовёт меня переехать. Ты бы, говорит, здесь давно уже был миллионером, а в Литве только нервы свои тратишь.

Он снова помолчал, а потом вздохнул:

– А я всё думаю, что же будет с Литвой. Уже полтора миллиона самых активных уехало из Литвы. А из оставшихся двух миллионов – восемьсот тысяч пенсионеров.

Я не удержался и задал стандартный вопрос:

– А какая же у вас средняя пенсия?

Гедиминас немного подумал:

– Примерно триста – триста пятьдесят лит, но есть и тысяча, и даже полторы.

На наши деньги это порядка пяти тысяч рублей, а максимально до двадцати тысяч. Значит, средняя пенсия примерно в два раза меньше, чем у нас. А цены на продукты в супермаркете, куда мы заехали сразу по приезде в Вильнюс, почти такие же, как у нас, хотя некоторые, может быть, процентов на двадцать-тридцать ниже. Ещё два-три года назад они были существенно ниже наших, правда, теперь наши снова пошли в рост. Вот так они и соревнуются.

Снова Гедиминаса отвлек телефонный звонок. Когда он закончил говорить, я спросил:

– Прошлый раз, когда мы ехали по этой дороге, во многих местах её ремонтировали. Как за это время, закончили ремонт или нет?

Вместо односложного ответа мы услышали от Гедиминаса целый рассказ о недавних событиях, которые ему, похоже, до сих пор не давали покоя.

– Вот я вам сейчас расскажу, как мы вступали в Европейский Союз. Голосование у нас должно было продолжаться четыре дня, причём голосование предполагалось электронным способом. И после первого дня за вступление проголосовало только тридцать процентов. Наши чиновники, которые уже всем объявили, что вся Литва за вступление в ЕС, не знали, что делать.

Торговый монстр «Максима»

И тут к ним пришли люди из таких крупных фирм, как «Максима», и сказали, что они за оставшиеся два дня наберут необходимый двадцать один процент, – конечно, если потом получат на территории Литвы определённые преференции.

Они обо всём договорились и объявили, что электронного голосования недостаточно, требуется ещё и бумажное в виде протоколов с подписями. В «Максима» повесили объявление и стали по всем телевизионным каналам рекламировать акцию, что в связи со вступлением в Евросоюз всем, кто в эти два дня придёт в «Максиму», выдадут бесплатно по две бутылки пива и по два килограмма стирального порошка. Те, кто уже был в «Максима», стали рассказывать, что они действительно это получили. И все потянулись в супермаркет. Там им и правда давали пиво и стиральный порошок и просили расписаться в ведомости – якобы за то, что они это получили. А потом эти ведомости использовали как протоколы с подписями проголосовавших за вступление в Евросоюз. Я у себя по улице ходил и всем говорил, что это обман, что так собирают подписи за вступление в Европейский Союз, но мне никто не верил, все думали, что не может быть такого обмана. А вы знаете, на каких условиях мы вступили в ЕС? Чиновники договорились уничтожить в Литве всю промышленность и всё сельское хозяйство. Должны остаться только торговля и услуги. Люди сплошным валом гнали скотину на мясокомбинат и получали взамен субсидии, но с обязательством никогда больше не заниматься разведением скота. Можно выращивать сено, можно наниматься рабочим на сельскохозяйственные предприятия, но самим быть собственником предприятия нельзя.

Его снова отвлек телефонный звонок, после которого он всё же вспомнил, о чём я его спрашивал, тем более что на левой полосе дороги начался участок с текущим ремонтом.

– А ремонт дороги ещё не закончили. Ну да вы это сейчас и сами видите.

– Гедиминас, а ремонт дороги вы за свои деньги делаете или Евросоюз финансирует? – это я вспомнил, как на Мадейре нам объясняли, что все новые дороги там построены за счёт средств Евросоюза.

– Считается, что Евросоюз тоже частично финансирует. На самом деле он вкладывает только те деньги, которые были обещаны как компенсация за уничтожение наших промышленных предприятий.

Я не удержался от своего замечания:

– Всё же там, где ремонт закончен, дорога классная.

Снова Гедиминаса отвлек телефонный звонок, а когда он освободился, у меня уже крутился вопрос:

– В начале восьмидесятых годов вильнюсский завод «Вента» разработал и поставил нам партию электронных приборов. В то время это было лучшее в СССР электронное специализированное предприятие с новейшим купленным на Западе оборудованием и очень квалифицированным персоналом. То, что они сделали для нас, было на уровне лучших зарубежных разработок. На этой разработке его директор защитил докторскую диссертацию. Я, кстати, писал на неё отзыв. Но что-то сейчас я не слышу ничего про продукцию «Венты». Как предприятие сейчас работает?

Гедиминас только рукой махнул:

– Вскоре после того, как мы вступили в Евросоюз, к нам приехали американцы из фирмы «Интел». Они были поражены тем уровнем производства, который увидели на наших заводах электроники, и предложили вложить несколько десятков миллионов долларов своих инвестиций и наладить у нас производство электронной продукции на экспорт. И что вы думаете? Наши чиновники отказались, заявив, что мы подписали соглашение о ликвидации нашей промышленности, у нас на первом месте должна быть экология. Тогда американцы создали такое производство в Южной Корее. Вы видите, где сейчас Южная Корея, а где Литва. Закрыты не только «Вента», но и все другие заводы. Закрыли атомную электростанцию, мы теперь покупаем электроэнергию за рубежом. Говорят, будем развивать альтернативную энергетику. Но за какие деньги?

– Неужели государственные деятели могут так поступать со своей страной? – это уже Вера не выдержала.

– Наши чиновники только о себе заботятся. Сто сорок наших депутатов сидят в Европарламенте. Они там ни на что не влияют, но каждый месяц каждый из них получает в виде зарплаты пятьдесят тысяч евро. Чтобы не потерять такие деньги, они идут на любой подлог. Вот я сказал, что нас осталось два миллиона, а они считают численность населения Литвы с учётом тех, кто уже давно в Литве не живёт, но оставил пока что литовское гражданство. Тогда получается, что в Литве три миллиона двести тысяч человек. Поэтому наших депутатов в Европарламенте сто сорок человек, а не семьдесят, как должно быть. Хотя если считать всю литовскую диаспору, то нас в мире семь миллионов.

Я не удержался от замечания:

– Вера, разве наши чиновники не такие же? Немаленькую зарплату им каждый год повышают. А пенсии? Достаточно год просидеть в депутатском кресле, и уже твоя будущая пенсия в два раза выше, чем у обычного трудяги. Квартира в Москве формально служебная, но мало кто ее освобождает после завершения полномочий. Почти у всех жены успешно занимаются бизнесом. Да можно без конца перечислять депутатские привилегии и их почти безграничные возможности.

На этом беседа прекратилась – завершилось наше путешествие.

Дорога (Канал Москва – Волга)

Из Москвы дорога ведёт нас на север по Дмитровскому шоссе, которое в последние годы здорово преобразилось. На выезде из Москвы на пересечении Дмитровского шоссе с кольцевой автодорогой сооружены многоуровневые развязки, а дорога до самого Дмитрова теперь имеет две полосы в каждом направлении. Это существенно снизило столпотворение, ездить стало намного легче, хотя полностью от пробок не избавило.

До самого Дмитрова дорога идёт вдоль канала, соединяющего Волгу с Москвой. После завершения строительства в 1937 году он был назван «канал Москва – Волга имени И. В. Сталина», но в 1947 году Сталин сам переименовал его в «канал имени Москвы» в честь восьмисотлетия столицы. Так он теперь и называется. Длина его почти 130 километров.

После выезда из Москвы на дороге долго встречаются селения, то побольше, то поменьше, но плотность потока не снижается. Движение небыстрое, мы особо не торопимся, высматриваем по сторонам, что там интересного. Я бросаю взгляды изредка, поскольку основное внимание – дороге, Вера вглядывается внимательнее. Глядя на возникающие иногда справа от шоссе сооружения на канале, она задумчиво говорит:

– Ещё со школы нам твердили, что с вводом этого канала Москва стала портом пяти морей – Балтийского, Белого, Чёрного, Азовского и Каспийского. Но зачем такое огромное сооружение и такие затраты? Эти водные дороги никогда активно не использовались. Тем более что во всех этих направлениях давно проведены железные дороги.

Я покачал головой:

– Ну, в советское время грузовые и пассажирские суда довольно активно курсировали по каналу, это сейчас они практически все исчезли. Но главное в том, что не с этой целью строили канал.

– А с какой же? – удивилась Вера.

– К концу двадцатых годов в Москве было уже три миллиона жителей, с началом индустриализации начала резко увеличиваться промышленность. Воды для снабжения населения и промышленности катастрофически не хватало. Москва-река обмелела настолько, что летом у Большого Каменного моста её переходили вброд.

– При чём тут Москва-река? – снова удивилась Вера. – Нам всегда говорили, что столица снабжается водой из Мытищинских источников.

– Знаешь, я тоже долго так думал. Но недавно выяснил, что это не так, вернее, не совсем так. Да, первый московский городской водопровод – Мытищинский – построен ещё по указу Екатерины Второй в конце 18 века. Его многократно реконструировали, но в начале 20 века отдача воды из мытищинских ключей резко снизилась, даже река Яуза обмелела. И тогда переключились на забор воды из Москвы-реки. Для этого был построен

Шлюз № 3 у Яхромы

Москворецкий водопровод, воду забирали из Москвы-реки от Рублёва, где она наиболее чистая. Произошло это в начале 20 века. Москворецкий водопровод был соединён с Мытищинским, они стали единой системой, поэтому многие продолжали называть её мытищинской. Но проблема была в том, что Москва-река более чем наполовину питается снегом, поэтому её водный режим нестабилен, и уровень воды очень сильно меняется в зависимости от времени года и погоды. К тому же потребление воды с каждым годом увеличивалось. В конце концов и было принято решение о переброске части волжской воды в Москва-реку. Но вообще-то канал решил сразу несколько важных задач: подачи питьевой воды в столицу, улучшения санитарного состояния рек внутри города, выработки электроэнергии и обеспечения судоходной связи с Волгой.

– А я вот читала, – медленно сказала Вера, словно вспоминая давно забытое, – что этот канал планировали построить ещё в царское время и даже провели земляные работы на каком-то участке, но потом бросили.

– Я тоже об этом читал, – решил и я проявить свою эрудицию, – это было при Николае Первом, тогда проводить канал хотели совсем по другому маршруту. А впервые об этом заговорили ещё в последние годы правления Петра Первого и даже разработали целых три проекта. Но речь шла тогда не о водопроводе, а о создании нового водного транспортного пути – в те годы торговля шла в основном по рекам. Кстати, один из проектов в значительной мере совпадал с сегодняшней трассой канала.

Если посмотреть на карту, то видно, что вскоре после Икши река Яхрома, использование которой планировалось в том проекте, подходит очень близко к каналу и идёт параллельно ему почти до самой Волги, недалеко от которой впадает в реку Дубну. Правда, русло её довольно извилистое, канал же проведён исключительно прямолинейно.

Немного помолчав, я добавил:

– Чтобы завершить эту тему, надо сказать, что на строительстве канала работало много заключённых, – называли их каналармейцами, в разные годы их было от десяти до двухсот тысяч. За время строительства погибло более двадцати тысяч. После окончания стройки 55 тысяч заключённых были досрочно освобождены, им выдали проездные билеты и деньги от ста до пятисот рублей. С тех, кто остался работать на канале, была снята судимость. Вольнонаёмных наградили ценными подарками и денежными премиями.

После Икши до самой Яхромы деревень почти нет, дорога становится спокойнее, и мы с Верой можем продолжить наши разговоры.

Поезд Савёлово – Калязин

Сегодня я почему-то вспомнил нашу первую с Верой поездку в Кулему, знакомство с этой деревенькой и её жителями, и обратился к жене:

– А ты помнишь, как мы впервые приехали в Кулему?

Железнодорожный мост через Хотчу

Вера тут же откликнулась:

– Ещё бы, это была незабываемая поездка! Особенно на рабочем поезде из Савёлово до Белого Городка, вернее, станции Приволжская. Два старых-престарых вагончика, и поезд ходит всего два раза в сутки – туда и обратно.

Я продолжил:

– А потом пешком по железнодорожному полотну, по мосту через Хотчу.

– Да, а как мы с этой железнодорожной насыпи спускались, почти кубарем, зацепиться не за что, и высота метров пять, – Вера чуть помолчала, а потом продолжила воспоминания. – К тому же было грязно, это было ранней весной, снег уже сошёл, но земля ещё не просохла. Мы все перемазюкались.

– Когда же пришли в деревню, зашли в избу – там холодыга, за зиму все вымерзло. Мы с Антоном Модестовичем тут же стали таскать в дом из сарая дрова, он растопил печку, но прошло несколько часов, прежде чем мы сняли верхнюю одежду, – я даже поёжился, вспоминая.

Вера вздохнула:

– А уговорил нас поехать туда Антон Модестович, мы сначала сопротивлялись, поэтому зимой поездка не состоялась, но весной он нас уломал.

Для лучшего понимания приведу, как бы за рамками нашей поездки, небольшой рассказ об этом интересном человеке.

Православный мусульманин

Антуан Модестович, которого все, в том числе жена Виктория Сергеевна, от Антуана сокращали до Антона – коренной москвич, родился в Москве, и родители его жили в этом городе, по-видимому, с рождения. Его мама, Натали Савельева, русская с французскими корнями, вышла замуж за татарина Модеста Тимуровича Тенишева. Антон Модестович внешне не слишком похож на татарина, а, скорее, совсем не похож, хотя, по правде говоря, редко можно безошибочно отличить татарина от русского.

Антуан Модестович гордится своей фамилией, говорит, что Тенишевы древнего рода и уже давно разделились на несколько ветвей: часть богатых, другая – бедных.

– Так вот, мы, – вздыхает он, – представители бедной ветви Тенишевых, хотя, по преданию, и княжеского рода.

Посмотрел я информацию в Интернете. Действительно, Тенишевы – татарский княжеско-мурзинский род, происходят от темниковского князя мурзы Тениша Кугушева через его двух сыновей – Исяша-мурзу и Ямаша-мурзу Тенишевых. Возможно существование одноимённого мурзинского рода Тенишевых ногайского происхождения, так как общее родство пяти веток Тенишевых пока не доказано. Род князей Тенишевых внесён в V и VI части родовой книги Тамбовской, Казанской и Московской губерний.

Татар было довольно много на русской службе, особенно увеличилось их количество после подчинения Иваном Грозным Казанского ханства, которое в то время называлось Волжской Булгарией. Большинство татар со временем переходило из мусульманства в православие, женились или выходили замуж за русских, возникали русские роды с татарскими корнями. Но были и татары, не пожелавшие перейти в христианство, у большинства из них поместья переходили под царскую опеку, сами они становились служилыми людьми или государственными крестьянами.

Коротко надо сказать о том, откуда мы узнали Тенишевых и с чего увязались за ними на их дачу. Причиной послужила женитьба нашего сына на их дочери, мы в один миг стали родственниками. Отсюда и мой интерес к родословной Антона Модестовича. К тому же они затеяли реконструкцию своей дачи, а родственникам принято помогать. Правда, произошло это не сразу. Первый год мы присматривались друг к другу, затем пару лет добирались на дачу поездом, а потом я купил автомобиль, сразу стало добираться легче.

Дача деревянная, так что почти все работы связаны с деревом. На металлической лодке с мотором – «казанке» – выезжали с Антоном Модестовичем на Волгу, в лесочке находили сухостой. Спилить пять-шесть брёвнышек, погружали их на лодку и привозили в Кулему, потихоньку набирая стойки для пристройки к дому. Был у меня небольшой стационарный станочек, который мог и строгать, и пилить; привезли мы его в Кулему и принялись обрабатывать древесину.

Соорудили каркас, а для облицовки купили вагонку, которую на моей машине и перевозили из магазина по частям.

Кроме строительных дел, надо же было и отдыхать. Как правило, это выливалось в застоля с участием чуть ли не всех жителей Кулемы. И тут выявилась любопытная особенность Антона Модестовича. Я знал, что он крещёный: мама покрестила его ещё в детстве. И вдруг в процессе приготовления выяснилось, что он не ест свинину, и для него персонально всегда готовили порцию шашлыка из говядины.

Эта религиозная раздвоенность была, на мой взгляд, странной. Я не видел, чтобы Антон Модестович исполнял хотя бы какие-нибудь мусульманские обряды (а я имел возможность наблюдать их, особенно во время работы на целине), впрочем, так же как и православные. В то же время из всех моих знакомых он единственный, кто не пропускает ни одного православного

праздника и всегда в этот день нас (и, наверное, не только нас) поздравляет. Правда, церковные службы, насколько я знаю, он не посещает.

Видно, были в его душе какие-то струнки, которые заставляли держаться хоть некоторых традиций представителей второй половинки своего кровного родства. Про себя я стал называть его православным мусульманином.

Вскоре после нашего породнения я уже знал, что он работает в научно-исследовательском институте Министерства внутренних дел и имеет чин полковника. Его жена, Виктория Сергеевна, тоже работала в этом же министерстве в звании подполковника в отделе вычислительной техники, который вёл картотеку ведомства. Рассказывая об этом, Виктория Сергеевна уточнила:

– Модест Тимурович тоже работал в Министерстве внутренних дел, так что Антон пошёл по стопам своего отца.

Происходило это в начале девяностых годов. Жизнь большинства наших сограждан летела под откос. И у нас на предприятии, и в министерстве, где работали оба Тенишевых, зарплата мало того, что при бешеной инфляции уже ничего не значила, но даже эту мелочёвку не платили. Все занимались поисками средств к существованию.

Параллельно шла немислимая «прихватизация» государственной собственности, исчезали старые предприятия, возникали новые. Антон Модестович каким-то образом устроился заместителем генерального директора в недавно созданное акционерное общество, которому удалось получить в собственность Дом Хаммера. В самом центре Москвы, недалеко от правительства, престижное здание привлекало к себе многочисленных нуворишей, с удовольствием размещавших здесь свои офисы. Антон Модестович рьяно исполнял свои новые обязанности, оставаясь в то же время действующим полковником.

Дом Хаммера

Прошло несколько спокойных лет. Вдруг при очередной встрече Антон Модестович обращается ко мне:

– Хочу с вами посоветоваться. Тут такая история, не знаю, как поступить.

– Что случилось, Антон Модестович? – встревожился я, в первый раз увидев его таким взволнованным.

– Понимаете, – Антон Модестович нервно поправил галстук, – некоторое время назад у нашего акционерного общества поменялся собственник. То ли купили его, то ли каким-то другим способом завладели чеченцы. Сменили генерального директора, меня не тронули, и зарплата осталась той же. Работаю, как обычно, веду финансовую часть, слежу за законностью проводимых операций, так что без моей визы ничего оплатить нельзя. И вот попадает ко мне счёт на оплату услуг какой-то конторы, с которой у нас и договора нет. Конечно, я его откладываю в сторону. Где-то он поболтался и исчез, ко мне никто по этому поводу не обратился.

Я пожал плечами:

– Наверное, выписал кто-то по ошибке.

Антон Модестович, словно защищаясь, поднял ладонь:

– Погодите, это только начало. В течение полугода такая история повторилась несколько раз с одинаковым результатом. А на прошлой неделе ко мне зашёл один из чеченцев, я его мельком видел, кто он, я и сейчас не знаю, потому что он не представился, с собственниками я тоже никогда не встречался. Поздоровался без рукопожатия, не ожидая приглашения, уселся в кресло возле стола. Помолчал, а потом говорит:

– Мы этими счетами проверяли, можно ли с вами работать. Для нас ясно, что человек вы грамотный, и мы хотим договориться с вами о дальнейшем сотрудничестве. Предлагаем вам ежемесячную зарплату пятьдесят тысяч долларов, но вы безоговорочно пропускаете те счета, о которых я вам буду говорить. Ваша задача – оформить их так, чтобы это выглядело законной операцией, если это возможно. Но исполнить их надо в любом случае.

Я покачал головой:

– Да, Антон Модестович, непростую задачку вам задали. И что же вы решили?

– Пока что ответил – подумаю. Но как ваше мнение об этой ситуации?

– Антон Модестович, может быть два варианта. Один – вы знаете, как это сделать законно, второй – законно в любом случае не получится.

Антон Модестович вздохнул:

– Думаю, возможен только второй вариант.

Я лишь руками развёл:

– В таком случае надеяться можно только на знаменитое «авось пронесёт».

Антон Модестович помучился ещё пару недель, а потом написал заявление и ушёл на пенсию.

Через год Виктория Сергеевна тоже оформила пенсию, и они фактически переехали в Кулему, – сначала только на летний сезон, а потом и зимовать в деревне стали. Антон Модестович посвежел, с удовольствием косит траву на газонах, готовит грядки под картошку и огурцы, зимой расчищает дорожки, занимается йогой и купается в Хотче почти круглый год, до тех пор, пока речка не замерзнёт так, что нельзя проломить лёд.

Из приехавших в Кулему москвичей Антон Модестович – старожил. Он первым появился в Кулеме бог знает когда, не имея ещё никаких планов обзавестись своим домом. Не знаю, кто ему указал на Кулему как на место для семейного отдыха, но они снимали сначала комнату, потом и весь дом, когда их дочка была ещё совсем маленькая. В течение многих лет Антон Модестович отправлял тещу с внучкой на всё лето в Кулему, а сами они с Викторией Сергеевной регулярно появлялись на выходные или в отпуск, нагруженные сумками с продуктами на неделю. Когда дочь уже училась в университете, они купили тот самый дом, который до этого многие годы арендовали.

Дом был старенький и почти постоянно требовал ремонта. Сначала пришлось поменять прогнивший пол. Потом, когда дочь вышла замуж, Антон Модестович привлёк тестя – отца мужа дочери – к строительству пристройки к дому, сначала планировавшейся как гараж, оборудованный встроенным туалетом, практически таким же, как и на улице, а потом превратившейся в складское помещение, забитое до упора разным барахлом, вывозимым из московской квартиры.

Вскоре появились внуки, понадобились дополнительные комнаты. А когда Антон Модестович переехал в деревню практически на постоянное жительство, реконструкция стала непрерывным процессом: закончив один этап, он садился рисовать следующий вариант, созревший в ходе выполнения предыдущего и каждый раз предполагавшийся как окончательный.

Количество приезжих в Кулеме росло, и почти все начинали реконструировать купленные деревенские избы. Оказалось, что в деревне можно сделать все удобства не хуже, чем в городе, и Антон Модестович тоже присоединился к этому веянию: провёл в дом водопровод,

устроил канализацию с септиком на улице, и только отопление оставил прежнее – дровяной печкой, хотя для кухонных дел устроил газовую печь с привозными баллонами.

Дорога (Яхрома)

Перед самой Яхромой дорога насыщена крутыми поворотами, требующими повышенного внимания, и я стараюсь не отвлекаться на разговоры. Шоссе идёт прямо через город, скорость падает, тем более что впереди светофор.

Для меня знакомство с Яхромой связано с приобретением «жигулей», когда по разнарядке назначался день покупки автомобиля и надо было явиться в сервисный центр, невзирая на плохую погоду и любые другие неприятные обстоятельства. Мне пришлось добираться зимой по обледеневшей дороге, когда на пригорках машины буксовали и приходилось вылезать и толкать их до самой вершины. А в центре ждать пришлось почти целый день, так что я побродил немного по Яхроме.

В девятнадцатом веке здесь возник посёлок Покровской мануфактуры с суконным производством, а в 1901 году рядом проложили железную дорогу со станцией Яхрома, по имени небольшой речушки. В 1940 году после ввода в эксплуатацию канала Москва – Волга Яхрома получила статус города.

Во время моего посещения город только начинал развиваться как горнолыжная база, на которой строились трассы скоростного спуска. Сейчас в окрестностях их уже несколько, самая посещаемая – Сорочаны. Там на горе высотой 225 метров расположено 10 трасс, перепад их высот достигает 90 метров, самая протяжённая трасса – 850 метров. На склонах установлены четырёх – и двухместные кресельные канатные дороги, 3 бугельных подъёмника, специальные сооружения для детей. Регулярно проходит оснежение горы, в связи с чем курорт функционирует до середины апреля.

Троицкий собор в Яхроме

Ради этих трасс и Дмитровское шоссе расширили, сделав двухполосным в каждом направлении. А тогда мне из яхромских известных достопримечательностей запомнился только Троицкий собор – красивое величественное сооружение, к сожалению, давно не ремон-

тировавшееся и приходящее в упадок. Он стоит на взгорье и господствует над окружающими жилыми домами, вмещает одновременно до четырёх тысяч человек. В двадцатые годы прошлого века его закрыли и разграбили, и только в последние годы снова открыли и начали реставрационные работы.

Церковь Вознесения Господня в Пермилове

Правда, позже мы обнаружили в Яхроме ещё одну церковь – Вознесения Господня, расположенную в Пермилове сразу за автодорожным мостом через канал. Её архитектура довольно необычна, но смотрится очень красиво.

Здесь же, на Пермиловской высоте, на её вершине, видна скульптура солдата – это памятник защитникам Яхромы, не пропустившим врага, стремившегося прорваться дальше на восток с целью окружения Москвы. Рассматривая памятник, Вера говорит:

– Я недавно узнала, что немцы в конце ноября 1941 года взяли Яхрому, но даже десяти дней не смогли её удержать – началось декабрьское наступление Красной Армии под Москвой, и Яхрому тут же освободили.

Я киваю головой:

– Да, здесь шли жесточайшие бои, наших войск на этих рубежах почти не было, поэтому мобилизовали практически всех жителей Дмитрова и окрестных сёл. Недаром Дмитрову присвоили звание «Город воинской славы», хотя и с опозданием больше чем на полвека.

Памятник на Перемилловской высоте

Проехав в молчании несколько километров, где требовалось повышенное внимание из-за скопления машин, мы с Верой снова обратились к прерванным воспоминаниям. Начал я:

– У Тенишевых были интересные соседи, правда, в первую поездку мы их не видели, но уже через две недели, когда опять таким же образом добрались до Кулемы, в соседних дворах ходили какие-то люди. Антон Модестович, открыв дверь в дом и едва успев сбросить рюкзак,

и Виктория Сергеевна, поставив сумку, тут же побежали к ним здороваться, а потом потащили нас с Верой знакомиться с ними.

Вера подхватила:

– Оказалось, через дом от Тенишевых семейство Арбениных купило деревенскую избу, и сейчас туда приехали старшие представители – Алексей Ефимович и Валерия Ивановна. Приятные такие люди, гостеприимные, тут же усадили нас за стол.

– А мы и упираться особо не стали, тем более что у них было уже натоплено, – уточнил я. – Помнишь, Антон Модестович сходил в свой дом, растопил печку, дров мы наносили ещё в прошлый приезд.

Вера закивала головой:

– Время от времени он ходил к себе, чтобы контролировать работу печи, а мы, конечно, вместе с Викторией Сергеевной и Антоном Модестовичем засиделись у радушных хозяев допоздна, обсуждая прежде всего деревенские новости. Нам было любопытно таким способом познакомиться, хотя бы заочно, с местными жителями.

Поместье Арбениных

Хозяева, которые нас принимали – Валерия Ивановна и Алексей Ефимович, старейшины в многочисленном роду Арбениных. Впрочем, я ошибся. Истинной старейшиной рода является мама Валерии Ивановны, Алевтина Петровна, которой уже за девяносто, но она непрерывный участник всех застолий, не отказывается выпить две-три рюмочки водки, а если найдутся слушатели, может им целый день декламировать «Евгения Онегина», которого всего знает наизусть.

Валерия Ивановна уже давно на пенсии, а долгое время работала массовиком-затейником. Она и сейчас часто берет баян в руки и, когда начинает исполнять песни нашей молодости, тут же сбегается народ, и даже наши внуки-малолетки перестают бегать и прыгать и пристраиваются послушать.

Алексей Ефимович работает в институте источников света, является там ведущим специалистом, любит рассказывать о своей командировке в Египет, которая была ещё в советское время, но оставила в его памяти неизгладимый след.

Он был старшим в группе направленных в Египет специалистов. Удивительно, но каждый раз за кадром остаётся, с какой целью они туда ездили и даже от какой организации, а вспоминает он в основном бытовые подробности и организационные неурядицы. Видимо, таких было немало, и доставляли они Алексею Ефимовичу, как старшему группы, немало хлопот, а может, и неприятностей, раз одного из командированных пришлось даже раньше срока отправить на родину. Правда, когда мы задавали вопрос «Алексей Ефимович, а за какие прегрешения так сурово поступили с человеком?», тот, обычно словоохотливый, начинал произносить что-то невнятное.

А я вспомнил свои косвенные столкновения с египетскими порядками. Жил я в академическом аспирантском общежитии в Москве в одной комнате с ещё двумя аспирантами: один, Эмин Мамедли, приехал в Москву из Азербайджана, а вторым был Леонид из Питера. Вскоре Леонид рассказал нам, что он недавно вернулся из Египта, где несколько лет работал переводчиком и неоднократно встречался с президентом Египта Гамалем Абделем Насером. Первым делом он рассказал нам о своих первых впечатлениях от встреч с Насером:

– Сначала я видел его много раз на массовых мероприятиях. Насер прекрасный оратор. Он часто выступает перед широкой аудиторией, и его неизменно воспринимают с большим вниманием, как замороженные. Насер всегда имеет в виду, что его слушают одновременно и грамотные, и совершенно неграмотные люди, поэтому по нескольку раз повторяет одну и ту же фразу с некоторыми вариациями. Так он добивается, чтобы его мысль проникла в сознание слушателя и прочно там обосновалась.

Эмин спросил:

– А где же ты впервые встретился с Насером?

Леонид заулыбался:

– О, это была целая история. Надо сказать, что Насер весьма скромный человек. Он до сих пор живёт в том же доме на территории военного городка в районе Аббасийя, который занимал, будучи бекбаши – подполковником египетской армии. Поэтому и к своей безопасности он относился примерно таким же образом. В поездках его окружало достаточно плотное кольцо охранников, но и только. И тут в египетскую разведку и контрразведку стали поступать данные о планах физического устранения Насера как зарубежными, так и внутренними агентами. Вызвано это было событиями, связанными с национализацией Насером Суэцкого канала. Я, конечно, узнал об этом значительно позже.

Абдель Насер на митинге

– Из каких же источников? – уже не утерпел я.

– Ну, ты слушай дальше. Насер обратился за помощью в Советский Союз, и в Каире вскоре появились два руководителя девятого управления Комитета государственной безопасности СССР. Насер пригласил их на обед, а заодно и меня в качестве переводчика. Вот так я впервые его увидел непосредственно напротив себя. На этой встрече он попросил наших специалистов поделиться своим опытом для организации охраны высшего египетского руководства, после чего начались многочисленные встречи с охраной Насера. Я там тоже продолжал участвовать, конечно, в качестве переводчика. И выяснились странные, на взгляд наших представителей, вещи: хлеб повар Насера покупал в лавке напротив дома президента, а мясо и овощи – на ближайшем базаре, при этом никакого медицинского контроля за продуктами не было. Однако это египетских охранников почему-то не волновало. Основной вопрос, который их волновал, был связан с проблемой обнаружения в служебных помещениях и залах заседаний радиоактивных и отравляющих веществ. Они надеялись, что у нас для этого есть специальная аппаратура, и хотели её получить.

– И как, получили? – это снова Эмин.

– Ребята, вы не представляете, как египтяне расстроились, когда кагэбэшники порекомендовали проверить помещения при помощи птички в клетке, – рассмеялся Леонид. – Они сначала подумали, что наши просто потешаются над ними, и всё время спрашивали, нет ли более современной технологии. Им отвечали, что кое-какие работы в этом направлении ведутся, но «птичка всё равно лучше». Эта фраза у египтян стала просто поговоркой.

Эмин, всё время внимательно слушавший Леонида, вдруг хлопнул себя рукой по лбу:

– Знаете, парни, а я ведь тоже видел Насера.

– Где же это? – недоверчиво спросил Леонид.

– В Баку, он туда приезжал в мае 1958 года. Народу высыпало на улицы – тьма. А я случайно как раз в то время, когда проезжала его машина, вышел из магазина. Я теперь понимаю, что Насера приветствовали как выдающегося лидера всего мусульманского мира.

Мне не часто приходилось слушать рассказы Леонида про Египет, он беседовал в основном с Эмином. Я сразу после поступления в аспирантуру женился и, как только выпадало свободное время, мчался к молодой жене, которая жила с родителями в Подмосковье.

Однажды приезжаю в общежитие – Леонида нет, вижу невероятно озабоченного Эмина, который, немного помявшись, говорит мне:

– Когда тебя не было, пришёл поздно вечером Леонид с приятелем, и они легли спать вдвоём на его кровать. Я говорю – чего тесниться, вот же кровать свободная. Но они отказались. Я уснул, а ночью проснулся от какого-то шума. Прислушался, а это у них кровать ходунном ходит. Ясное дело, чем ребята занимаются.

Он помолчал, а потом добавил:

– И, похоже, Леонид в роли девочки.

Я говорю:

– Эмин, может, тебе это показалось или приснилось?

– Ты что? – Эмин даже руку к сердцу прижал. – Я тебе больше скажу. Тебя не было почти неделю. За это время история один в один повторилась ещё раз. Пусть мне первый раз, как ты говоришь, приснилось. Но второй раз я уже точно не спал, просто не мог уснуть.

Я был просто потрясён, как-то мне не приходилось сталкиваться до сих пор с этим явлением. Но я читал Библию и знал, что древние города Содом и Гоморра были уничтожены именно за такие развратные действия их жителей. Для меня представить это было просто противно. Спасением было только то, что я приехал уже фактически выписываться из общежития, потому что нашёл себе работу в ближайшем Подмосковье, где даже комнату обещали дать чуть ли не сразу после поступления, так что Леонида после этого я, слава богу, так больше и не видел.

Я вспомнил эту историю, слушая рассказы Алексея Ефимовича и размышляя над тем, за какие прегрешения был отозван из Египта их сослуживец. Из туманных намёков рассказчика я заключил, что, скорее всего, он, как и Леонид, попал в группу любителей этого вида секса. Я знал, что в Египте такого рода увеселения весьма распространены, а у нас они считаются криминалом.

Хрущев награждает Насера медалью «Золотая Звезда»

Обсуждая воспоминания Алексея Ефимовича, мы не могли не спросить его:

– А вы видели Насера?

Алексей Ефимович чуть ли не оскорбился:

– А как же! Мы же сразу приехали в Каир, а там митинги едва ли не каждый день, и почти всегда на них выступал Гамаль Абдель Насер. А когда мы были уже на полигоне, он к нам приезжал, со всеми поздоровался за руку, а потом больше часа была интересная беседа.

– Ну и как он вам показался?

– Знаете, вёл себя, как обычный мужик. Одевался просто, хотя по всему было видно, что он человек военный. И жил очень скромно. Нам рассказывали, что во время первого визита Насера в Советский Союз в апреле-мае 1958 года Никита Сергеевич Хрущёв как-то спросил его, чем он занимается в свободное время. Насер ответил, что в редкие свободные часы увлекается любительской киносъёмкой. В ходе дальнейшего разговора Хрущёв высказал свое мнение, что цветная киноплёнка смотрится куда лучше, чем чёрно-белая, с чем Насер согласился, но добавил, что цветная киноплёнка ему не по карману. Сказано это было безо всякой рисовки, просто как констатация житейского факта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.